

50. ШЕСТОЕ ОЛЕДЕНЕНИЕ

ОЛЕДЕНЕНИЯ — общее название длительных ледниковых эпох в антропогеновом (человеческом) периоде геологической истории Земли в северной части Восточно-Европейской равнины, где лежит милый моему сердцу КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК.

Задержите взгляд на географической карте Беларуси (политическая — неинтересна): линиями границ, прожилками рек, бледной желтизной возвышенностей, зелеными полосами низин, синими пятнышками озер Беларусь напоминает осенний разноцветный кленовый листок, оторванный от дерева, упавший на землю, незащитный перед скорой зимой, вызывающий грусть и тревогу.

Пять раз из Скандинавии со скоростью 200-300 метров в год полз ледник, одно- двухкилометровым слоем покрывал все живое, надолго останавливался, прекращал в нашем краю развитие природы и человека, медленно таял, отступал, оставляя после себя наземные и подземные озера, валуны, залежи песка и глины, меняя направления рек, формируя ландшафт и климат Беларуси, предопределяя темперамент и менталитет ее будущих поселенцев — нас, мои современники.

Мы — ДЕТИ ЛЕДНИКА. Мы не потеряли душевную связь с последним ледником по имени Поозерский, который уполз на север "недавно", примерно 10 тысяч лет назад, пробыв у нас 85 тысяч лет. Как только пятый ледник исчез, люди заселили всю территорию Беларуси. История здесь началась значительно позже, чем на прочей суше земной.

В результате географического, биологического, социально-общественного взаимодействия древних племен тысячу лет назад начала формироваться белорусская народность. Она концентрировалась, сгущалась, самоидентифицировалась в природной среде, сотворенной ледником, не преобразованной маломощными добелорусскими аборигенами.

В отличие от многих европейских этносов, зачавшихся в покоренной природе, в техногенной среде, белорусы появились на свет в диком месте. Колыбель народа отпечатывается на его менталитете. Европейцы самоуверенно продолжали природу покорять, изменять, уничтожать, в то время как белорусы ее боялись, угождали ей жертвоприношениями и другими языческими изысками.

Еще в средние века европейцы считали нас дикарями. Чтобы доказать им, что мы нормальные люди, Николай Гусовский пятьсот лет назад написал поэму "Песнь о зубре". Поставленную задачу он выполнил с блеском.

Просветил Европу в том, что природа, общество и человек нерасторжимы. Сочинение белоруса вошло в анналы мировой культуры, однако долгие века было не востребуемым на родине, что все-таки подтверждает ненормальность белорусов.

Во взаимодействии с природой возникли, упрочились, перешли в генную память главные черты всех национальных менталитетов земли. Грозная первобытная среда, воспитавшая протобелорусов в раболепии перед ней, продолжает управлять в душе современного белоруса. Он скорее подчинится ЛЮБОЙ СРЕДЕ, в какой оказался, нежели захочет изменить ее. Он будет приспособливаться: изменять окраску, как хамелеон, оставлять хвост, как ящерица, разрываться на живучие куски, как червяк, деформироваться под тяжестью обстоятельств, как камбала... Где же в этой фауне наш белорус?

Живой вид БЕЛОРУС трудно выделить. Существует много видов и подвидов, какой-то чертой похожих на белоруса, но общих признаков маловато. Каждый приспособливается к среде в своей жизненной нише, как говорят, варится в собственном соку. Коль отсутствуют общие видовые признаки, то откуда взяться общим интересам? Без общего интереса нет общественной атмосферы. Разрозненные виды не продуцируют общественную среду, способствующую перетеканию от одного субъекта к другому и накоплению общей критической массы из флюидов мысли, надежды, отчаяния, злости, решимости...

И все же есть один признак, соединяющий на конкретной территории все живые виды, напоминающие белоруса. Белорусов объединяет общий паразит — власть. Что-то единое есть у белорусов, что-то доступное, позволяющее власти паразитировать, плодиться, творить собственную среду и тем объединять белорусов. Чем же они такие сладенькие для власти?

Базовые черты национального характера — бесконечно терпеть, унижаться, бояться, раболепствовать, холуйствовать — объединяют понятием ТОЛЕРАНТНОСТЬ. Толерантность белорусов очень нравится ихнему президенту, заявившему, что за цивилизацией он свой народ не поведет, и доказавший сие делами.

Белорусами данный народ, идущий от цивилизации куда-то в иное место, можно назвать формально, географически. Что до того, куда идут белорусы, то дети ледника могут совершить исторический парадокс — прийти в первобытный коммунизм.

“Толерантность” (“памяркоўнасць”) белоруса сформировалась под авторитарным воздействием двух объединившихся сил — дикой природы и дикого общества. Поскольку об этом у нас мало пишут, почитаем

свидетельства иностранца, посла Священной Римской империи немца Сигизмунда Герберштейна, посетившего Московию в 1517 и 1526 годах. Книга "Записки о московитских делах" (1548) принесла ему всемирную известность. В Европе ее изучают и комментируют до сих пор. Исследователи подчеркивают лояльное отношение автора к славянству. Такое было нетипичным в то время. Книга написана серьезно, непредвзято, Герберштейн ссылается на документы и личные наблюдения. В Московию и обратно ехал через Беларусь, что описал в главе "О Литве":

"Ближе всего к Московии Литва. Я говорю теперь не об одной только области, но и о прилегающих к ней странах, которые разумеются под общим именем Литвы...

Литва довольно лесиста, в ней имеются огромные болота и много рек... Климат суров, животные всех пород малорослы... Народ жалок и угнетен тяжелым рабством. Ибо если кто (автор имеет в виду представителя власти — **А.К.**) в сопровождении толпы слуг входит в жилище какого-нибудь поселянина, то ему можно безнаказанно творить что угодно, грабить и забирать необходимые для житейского употребления вещи и даже жестоко побить поселенца. Поселянам же без подарков прегражден доступ к господам, какое бы они ни имели до них дело. А если их и допустят, то все же отсылают к чиновникам и начальникам. И если те не получают даров, то не решат и не постановят ничего хорошего. Этот порядок существует не только для людей низкого звания, но и для дворян, если они хотят добиться чего-нибудь от вельмож. Я сам слышал от одного первостепенного чиновника при молодом короле такое выражение: "Всякое слово в Литве — золото". Они платят королю ежегодно определенную денежную подать за охранение пределов королевства. Помимо оброка, они работают на господ шесть дней в неделю; наконец, при женитьбе, при смерти жены, равно как при рождении и кончине детей, и во время исповеди они обязаны заплатить известную сумму денег приходскому священнику. Со времен Витольда вплоть до наших дней они пребывают в настолько суровом рабстве, что если кто из них будет случайно осужден на смерть, то он обязан по приказу господина казнить сам себя и собственноручно себя повесить. Если же он случайно откажется исполнить это, то его жестоко высекут, бесчеловечно истерзают и тем не менее повесят. Вследствие такой строгости, если судья или назначенный для разбора настоящего дела начальник пригрозит виновному в случае его замедления или только скажет ему: "Спеши, господин гневается", несчастный, опасаясь жесточайших ударов, оканчивает жизнь петлею..."

Менталитет тогдашнего "поселянина" (белоруса) на века определяли постоянно маячившие перед глазами плеть и петля, а не "справедливые" военные походы добрых, умных, патриотичных, любвеобильных князей, о

чем сейчас литераторы пекут романы и пьесы, лишённые историзма, показывающие федерацию ВКЛ уютным гнездышком белорусов. Увы, не было у белорусов золотого века.

Николай Гусовский называл князей-современников безумными игроками и убийцами. Убийцами зубра и человека, природы и родины. Ко времени Гусовского, Скорины и Герберштейна белорусская народность в основном сформировалась. Её "толерантность" — итог постоянной раздавленности человеческой личности.

"Памяркоўнасць" белоруса — не межличностная черта, направлена не на другого, а на себя: как бы мне не стало ещё хуже, чем есть. Белорус не возражает, а молчит. Много раз я добивался у него ответа: о чем ты молчишь? Почему не скажешь сытому всевластному председателю колхоза, что он гад? Молчит белорус. Сам себе на уме? Или молчит, как "толерантно" молчат друг с другом конь и корова? Уразумел навсегда, что так лучше, нежели у кошки и собаки, этих прирожденных ксенофобов?

Затянувшееся молчание белоруса переросло в ЭГОФОФИЮ. Белорус боится самое себя. Он молчит, чтобы не проявить свое Я. Раскрепоститься и самовыразиться — опасно. Актеры зажаты и неестественны. Писатели стороной обходят эссе как самый вольный жанр. Политики похожи на стеснительных косноязычных подростков. Лишь один — говорит без конца. Высшую власть он взял в свои руки для того, чтобы при всеобщем молчании освободить личные комплексы.

"Есть девятый!" — Государственная газета с ликованием информирует о вводе очередного! суперсовременного! красивого! позарез необходимого народу! обещанного президентом! ЛЕДОВОГО ДВОРЦА! в котором! завтра! Он! лично! опробует лед! сыграет хоккейный матч! за команду "Гайка"! против команды "Болтик!"

Молчаливая Беларусь смотрит, как Сам, облачившись в доспехи ледового князя, резвится на коньках, клюшкой гоняет черную безделушку, хвалит лед, забивает ту безделушку в сетку, вытирает пот, счастливо смеется, видимо, вспомнив бедное деревенское детство шестидесятых годов, когда он катался на замерзшей луже на самодельных деревяшках, привязанных бечевкой к валенкам, и мечтал о железных коньках-"снегурочках"...

Сейчас жить ему стало, конечно, лучше, веселей. Примитивным "снегурочкам" не сравняться с теплыми ботиночками, к которым крепко приколочены изящные коньки, под которые залит импортный лед, над которым возведен уже девятый дворец, ради которого на много лет заморожено строительство радиологического диспансера в Гомеле, голодные

дети в чернобыльских районах падают в обморок за школьной партой, нищие пенсионеры роются в мусорных баках, нищие учителя и врачи стесняются своих обносков и, чтобы поддержать семейный бюджет, берут взятки и подношения у нищих родителей своих учеников и у нищих больных, у которых нет денег на дорогие лекарства, потому что лучшим лекарством нации от всех болезней считается ледовый дворец, куда придут наши детки, сделают шаг по льду и поскользнутся от бессилия, от беспомощности перед шестым оледенением, напозающим на Беларусь.

Ледник — гигантская энергия, направленная на разрушение устоявшейся СИСТЕМЫ. Все живое на земле, способное двигаться, от ледника уходило, все живое, к движению не способное, под ледником погибало. Оледенения были грандиозными катаклизмами в геологической истории Земли, но повернуть историю вспять им не удалось.

Ледник обязательно отступал, начиналось межледниковье, возвращались на исконное место мхи, травы, черви, деревья, птицы, звери, люди. Природная система восстанавливалась. Она обладала энергией большей, чем у ледника. Суть такой энергии — в САМОВОССТАНОВЛЕНИИ системы.

Наилучшими шансами на самовосстановление и дальнейшее самосохранение обладает та система, которая в наибольшей степени способствует поступлению, переработке и эффективному использованию энергии и информации. Это правило относится и к системе, и к отдельному организму. Его можно распространить и на общественную систему.

Пять раз БЕЛАРУСЬ ПРИРОДНАЯ возрождалась благодаря эффективности КЛЕНОВОГО ЛИСТКА.

БЕЛАРУСЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ — система, не способствующая поступлению, переработке и эффективному использованию энергии и информации. "Есть девятый!" — дезинформация. Она дезориентирует общественную энергию, направляет ее в сторону от гармоничного развития. Без гармонии система не обретет устойчивость и развалится.

Энергия и информация в Беларуси не используются на построение специальных механизмов по общественному регулированию, по выработке приоритетных направлений для дальнейшего накопления энергии и информации — для их вечного круговорота, для жизни Беларуси. Все механизмы — в одной голове. Сегодня она озабочена коньками, а завтра?

Сегодня энергия тратится на большой спорт (при забвении массовой физкультуры), а завтра наши чемпионы уедут за границу либо заболеют, как подавляющее большинство спортивных организмов, извлекших из себя

гипертрофированную нечеловеческую энергию, подобную на природный катаклизм.

“Есть девятый!” Современный журналист выплясывает и радуется на газетной полосе безумно, как полудурок из Муравинского межледниковья, еще не научившийся изготавливать шлифовальные орудия из камня и кости, не освоивший примитивное земледелие, не понимающий себя существом общественным.

После Муравинского межледниковья (110-95 тысяч лет назад) в Беларуси началось последнее, пятое по счету, самое холодное Поозерское оледенение (95-10 тысяч лет назад). Тонким кончиком языка ледник слизывал траву и кустарник, растекался по речным долинам, заполнял их доверху, громоздился по берегам, укутывал березы и сосны, покрывал бугры, сам превращался в бело-серую гору...

Дул ледяной ветер, солнце сделалось ледяным, убежали мамонты, волосатые носороги, медведи, лисицы, зайцы, ежики, не осталось еды, а полудурок в одубевшей шкуре приплясывал голыми ногами на льду, размахивал дубиной, чтобы согреться, радостно вопил: “Есть пятый!”

Так возникает зловещий сросток энергии и информации. Понятия настолько единичны, что часть может заместить целое: энергия становится информацией, информация — энергией. Цель ледника, напомним, в том, чтобы затормозить развитие. Это противостоит природе, однако реально. Замораживаются земля и атмосфера. Устанавливается холодный климат — ледниковье.

Цель информации “Есть девятый!” — заморозить общественное сознание. Цель достигнута: есть заморозка! Люди приходят в ледовые дворцы, чтобы ... купить обувь-одежду. Шикарные дворцы по причине малоупотребительности превратились в базарные ряды. Люди устало бродят в поисках ширпотреба и не думают о том, зачем за их деньги поставили дорогостоящий дворец, если торговые палатки можно устроить под простым навесом. Мысль одна: купить подешевле. Сигнал из окружающей среды один: товарный ярлык. Прочая информация о мире без надобности, информационно-смысловая цепочка разорвана, сознание сосредоточено на себе: купить — и отдохнуть. Спать! Так Джек Лондон описывает сознание человека, замерзающего в ледовой пустыне. В последние минуты ему обычно тепло, сладко, приятно...

Сообщество замороженных и рождает замороженную общественную атмосферу. В ней заторможены и процессы роста, и процессы разложения. Как в холодильнике. По БТ сообщили, что Беларусь по уровню

продовольственного обеспечения превзошла все страны СНГ, Польшу, Чехию, Словакию, хотя в домашнем холодильнике белоруса зияет холодная пустота и серебрится иней. Белорус молчит, на ложь не реагирует. В оцепененном сознании теряется интерес и к информации, и к дезинформации. К тому, что нет и не предвидится роста, белорус привык, а гниения — не замечает, ибо холодильник оное скрывает под белой шубой.

Пар из пустого холодильника замещает общественную атмосферу Беларуси. Чтобы она стала гуще, работает главный рефрижератор — государство. Оно производит ледяную энергию, государственные СМИ трансформируют ее в ледяную информацию. Окутанные морозным паром, впечатывая в грязный лед КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК, белорусы идут на очередные выборы.

Логично, замороженные белорусы голосуют за ледник.

Нелогично ждать зиму. Потому люди ждут лето. Я же цепляюсь за логические вопросы: если в белорусах заморожен распад, то так же заморожено и развитие? После растаивания Поозерского ледника 10 тысяч лет, до наших дней, продолжается послеледниковая эпоха, Голоцен. Не может быть, чтобы ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТОК не отпечатался в генах белоруса, не излучал жизнеутверждающую энергию-информацию — свет и тепло!

2000